

ДРУГОЙ Я В СИСТЕМЕ САМОВОСПРИЯТИЯ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА ИНГЕБОРГ БАХМАН «МАЛИНА»

Д. К. Давыденко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ruseckaja.darja@gmail.com*

На основе герменевтического анализа романа Ингеборг Бахман «Малина» через призму концепции Другого Симоны де Бовуар выявлена система онтологического обоснования личности главной героини. Доказано, что личностное становление героини осложняется вытеснением ее собственного я на периферию сознания в пользу Другого.

Ключевые слова: Другой; Ингеборг Бахман; поиск идентичности; австрийская литература.

Австрийскую литературу второй половины XX века невозможно рассматривать вне контекста социально-политических волнений того времени. Проблема вины за нацистское прошлое непосредственным образом отразилась на муках самоопределения послевоенной Австрии как на государственном уровне, так и на уровне каждого отдельного человека. Лицемерие лозунга «Австрия – первая жертва фашизма», определившего направление государственной идеологии после войны, не могло быть проигнорировано литературными кругами. И действительно, данный политический курс отбрасывает на сознание австрийских граждан и на литературный дискурс послевоенных лет черную тень длиной в двадцатилетие. 1950–70 гг. – время, когда большая часть литературных деятелей «бросили все силы на строительство очередных декораций для своей страны – теперь уже маленького мирного европейского государства» [1]. Только в 1970-е годы авторы модернистского экспериментального толка начинают делать первые видные попытки рефлексии случившегося. В этом контексте можно назвать П. Хандке, И. Бахман, Э. Елинек, Э. Яндля, Ф. Майрёкер. Тема непреодоленного прошлого в произведениях этих авторов тесно связана с проблемой языка и поиском собственной идентичности. В 1971 г. выходит книга Ингеборг Бахман «Малина» (*Malina*), первый и единственный законченный роман из задуманного цикла «Виды смерти» (*Todesarten*). И, несомненно, ужас перед отцом-нацистом, проявляющийся посредством снов, непринятие массовости, множественности, стирания личности – это рефлексия на австрийское прошлое, рефлексия, которая закономерно ведет к следующим вопросам: как жить сейчас; кем быть сейчас.

Это сложное, многогранное произведение уже было многосторонне рассмотрено и проанализировано исследователями, например, с точки зрения

утопических языковых концепций (Mechtild Oberle, 1989, Patricia Broser, 2009), образности (Doris Hildesheim, 2000), нарративных стратегий (Jens Brachmann, 1998), а также разрушения собственной идентичности (Sabine Grimkowski, 1990), на русскоязычном пространстве рассмотрены хронотопические особенности романа (О. Ч. Гурло, 2004), также представлен он через призму понятий «пол» и «гендер» (Е. В. Соколова, 2012). В данной статье будет рассмотрена проблема поиска идентичности в романе с точки зрения концепции Другого.

Перешедшая из философии и распространившаяся практически на все сферы человеческих мысли и творчества, концепция Другого является центральной, когда речь заходит о самопознании и самовосприятии. Приведем определение Другого из «Нового философского словаря»: *«ДРУГОЙ – опорная точка и средоточие философского дискурса, способ обоснования онтологии, который изменяется в соответствии со сдвигами в понимании онтологии и переходом от эйдетико-космологической к социальной онтологии»* [2]. В рамках статьи мы остановимся на концепции Симоны де Бовуар. Выделим ее наиболее важные для нашего исследования аспекты:

1. основополагающая навязанная социумом проблема женского бытия – это склонность определять себя и свое бытие относительно мужчины, что приводит к потере собственной субъектности. Подверженный такой тенденции субъект становится объектом в поле собственного восприятия, уступает центральное место Другому, сам для себя становясь Другим.

2. Второй аспект вытекает из первого. Ощущая себя Другим, субъект не может воспринимать себя полноценным и независимым, тем самым обрекает все свои трансцендентные порывы в имманентность, лишает себя возможности обосновать свое существование.

3. Как в социуме, так и в мире искусства субъект может существовать органично только посредством трансцендентного движения, без него он обречен на нарциссизм и отрицание реальности.

4. Женщина как онтологический субъект поставлена изначально в особые условия, требующие перестройки основополагающих бытийных установок [3].

В данной статье речь пойдет о том, как в романе Ингеборг Бахман «Малина» субъект решает проблему своего самоопределения. Текст романа требует к себе пристального внимания. По аналогии с принципом создания текста у Л. Витгенштейна, труды которого оказали огромное влияние на личность и литературное творчество писательницы, в произведениях Ингеборг Бахман важнее ненаписанная часть. Именно поэтому довольно сложно сориентироваться, кто, когда и что говорит и делает, о чем и, что особенно важно, о ком этот роман.

Для начала необходимо взглянуть на список действующих лиц, заботливо оставленных в качестве подсказки читателю: Иван, Бела и Андраш (дети), Малина, Я. Следует обратить внимание в каком порядке расставлены герои, а углубившись в текст романа, можно понять, что стоят они в порядке важности для главной героини.

Первым следует Иван. Исследователи отмечают четкую связь Ивана с реальностью. Так, например, Е. В. Соколова пишет, что Иван – «*порождение реальности. В значительной мере он наделен разумом, до некоторой степени подвластен инстинктам, насквозь пропитан духом времени, и не способен на чувства*» [5, с. 58].

Тут же, в описании действующих лиц, сообщается, что Иван работает в учреждении, которое обозначается как «институт крайне необходимых дел». Всё, что изначально сообщается об Иване, – место рождения, место проживания, место работы, что само по себе говорит: этот герой крепко стоит на ногах, его связь с вещественным миром сильнее, чем у любого другого персонажа в этом романе.

Нас же, кроме связи с реальностью будет интересовать его место в жизни и сознании главной героини. Первая из трех глав посвящена ему – «Счастлива с Иваном» («Glücklich mit Ivan»). Уже первая встреча с ним, первые упоминания о нем не оставляют сомнений – он именно тот Другой, который занял в самоопределении героини центральное место. Он та звезда в планетарной системе, где планетой себя осознает главная героиня, обозначенная в списке «Я». Мир героини ограничен Иваном. После того, как он вошел в ее жизнь, всё изменилось, движение героини остановилось в рамках, которые соответствуют ее положению возле возлюбленного.

«*Wenn ich nun, aus irgendeinem Grund, vor zwei Jahren nicht in die Ungargasse gezogen wäre ..., dann wurde es mit mir noch einen beliebigen Verlauf nehmen, und ich hätte das Wichtigste von der Welt nie erfahren: daß alles, was mir erreichbar ist, das Telefon, Hörer und Schnur, das Brot und die Butter und die Bucklinge, die ich für Montagabend aufhebe, weil Ivan sie am liebsten isst, oder die Extrawurst, die ich am liebsten esse, daß alles von der Marke Ivan ist, vom Haus Ivan*» [1, S. 14]. В этой фразе автор объединяет эти несколько тенденций: связь Ивана с вещественной реальностью, с жизнеспособностью, то, что героиня связана с реальностью только посредством Ивана и то, что он стоит в центре ее существования. Безусловное обожание, фактически поклонение Ивану скользит в каждой фразе. Такая паталогическая зависимость дает героине счастье и возможность больше не решать свою судьбу, переложить ответственность за свое существование на Другого. Стоит упомянуть только, как трепетно ждет главная героиня звонка, как тщательно

готовится ко встрече с Иваном, как пытается предугадать его мысли и желания, как старается не быть навязчивой и казаться самостоятельной.

Далее в списке следуют дети Ивана – Бела и Андраш, которые в сознании героини неотделимы от своего отца. Ее отношение к этим детям могут раскрыть следующие строки: «*Andras drängt sich immer fester an mich, und ich halte ihn fest, er muß mir gehören, die Kinder werden mir ganz gehören*» [1, с. 75]. Посредством «обладания» детьми, привязанности этих детей к ней, героиня надеется хоть как-то преобладать над Иваном, хоть чем-то привязать его к себе, прекрасно зная, что Иван не любит никого, кроме них.

Следующим по важности является загадочный Малина, живущий в одной квартире с главной героиней. Если в начале романа ещё можно представить его себе настоящим человеком из плоти и крови, то по ходу повествования становится ясно – он плод сознания героини. Малина никогда не контактирует ни с кем, кроме героини, на людях держится чуть позади нее, он слишком хорошо знает ее мысли, задает ей вопросы, которые ей необходимы. Во время ночных пробуждений от кошмаров всегда рядом Малина, он же подносит стакан ей прямо к губам, вытирает ей лицо. Такие действия могут показаться просто жестом заботы близкого человека, но только при невнимательном прочтении:

«Ich habe meinen Kopf in eine Hand von Malina gelegt, Malina sagt nichts, er bewegt sich nicht, aber er findet auch keine Zärtlichkeit für meinen Kopf. Mit der anderen Hand zündet er sich die Zigarette an. Mein Kopf ist nicht mehr auf seiner Handfläche, und ich versuche, gerade zu sitzen und mir nichts anmerken zu lassen.

Malina: Warum legst du schon wieder die Hand an den Nacken?» [1, S. 150]

Кто же коснулся головы героини, Малина или она сама? Скорее всего и он и она, ведь это один и тот же человек. Получается, что героиня и Малина – две грани одного Я. Следует разобраться в соотношении сил этих двух личностей.

«Meine Beziehung zu Malina hat jahrelang aus mißlichen Begegnungen, den größten Mißverständnissen und einigen dummen Phantastereien bestanden – ich will damit sagen, aus viel größeren Mißverständnissen als die zu anderen Menschen. Ich war allerdings von Anfang an unter ihn gestellt, und ich muß früh gewußt haben, daß er mir zum Verhängnis werden müsse, daß Malinas Platz schon von Malina besetzt war, ehe er sich in meinem Leben einstellte» [1, S. 6].

Малина более собран, серьезен, он – рациональная часть героини. Героиня в разговорах с Малиной настаивает на том, что он младше ее, потому что только так она сможет добровольно подчиниться ему, как добровольно подчиняется Ивану. Она не может видеть себя выше мужчины, по собственной воле ставит себя всегда на место Другого: «*Mir scheint es dann,*

daß seine Ruhe davon herrührt, weil ich ein zu unwichtiges und bekanntes Ich für ihn bin, als hätte er mich ausgeschieden, einen Abfall, eine überflüssige Menschwerdung, als wäre ich nur aus seiner Rippe gech macht und ihm seit jeher entbehrlich, aber auch eine unvermeidliche dunkle Gesihichte, die seine Geschichte begleitet, ergänzen will, die er aber von seiner klaren Geschichte absondert und abgrenzt. Deswegen habe auch nur ich etwas zu klären mit ihm, und mich selber vor allem muß und kann ich nur vor ihm klären. Er hat nichts zu klären, nein, er nicht» [1, S. 9]. При этом в другом месте героиня говорит Малине: «Du bist nach mir gekommen, du kannst nicht vor mir dagewesen sein, du bist überhaupt erst denkbar nach mir» [1, S. 126]. Это противоречие можно разрешить следующим образом: Я героини – та основа, на которой появился Малина, но, появившись, он как мужская часть вытеснил женскую на периферию собственного сознания. За весь роман только с Малиной героиня говорит серьезно, глубоко, объемно выражая свою мысль, но, поскольку Малина и есть она, получается, что по-настоящему контактировать с внешним миром у нее не выходит. Стоит вспомнить обрывочные разговоры с Иваном, где тот не хочет ни слушать, ни понимать, интервью, после которого корреспондент ушел от героини с ощущением потерянного дня, пустые разговоры с другими людьми, недописанные и неотправленные письма. Такое одиночество вынуждает ее создать Другого внутри своего Я, Малину, который, вытесняет ее из ее же сознания.

И, наконец, перейдем к героине, обозначенной как «Я». Её описание сразу же выдает уверенность героини в ненужности своего существования. При описании Ивана и Малины используются такие слова, как «необходимый», «достопримечательный», «заметный», «успех», «требования», «дерзкие помыслы», «честолюбие». О героине же мы узнаем, что у нее австрийский паспорт, заверенное свидетельство о гражданстве, кое-что о ее внешности и прочитаем о дважды и трижды зачеркнутых строках с дальнейшей информацией. Это Я воспринимает себя как нечто ничтожное, связанное с жизнью только через Другого внутри себя (Малина) и Другого вне себя (Иван). В конце романа, после того как расставание с Иваном становится для ее очевидным, героиня уходит в трещину в стене, исчезая из жизни. Вместо нее остается Малина. «*Ich habe in Ivan gelebt und ich sterbe in Malina*» [1, S. 171] думает героиня, что можно проинтерпретировать так: женское Я героини ощущало себя живым и счастливым только не чувствуя одиночества, когда удавалось переложить ответственность за свое существование на Другого, когда же эта возможность исчезла, она переложила ответственность на Другого внутри себя. Второе, мужское Я, не чувствуя более необходимости в этой женской части Я, изгоняет ее. Роман заканчивается словами «*Es war Mord*» [1, S. 172]. Остается добавить – это было

убийство части себя для того, чтобы продолжить существование в этом мире, т.к. убитая часть не была к этому существованию приспособлена. Таким образом, в романе выводится образ личности, которая жаждет самоопределения, но вынуждена убить женскую часть себя не для того, чтобы стать полноценным человеком, а для того, чтобы выжить в этом мире, не приспособленном для «языка любви», который искала в своем творчестве Ингеборг Бахман.

Библиографические ссылки

1. Плахина А. В. Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970 – 1990-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 5–37.
2. Огурцов А. П. Другой [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH21229e574112e8bdb76221?p.s=TextQuery> (дата обращения: 10.02.2021).
3. Бовуар С. де Второй пол ; пер. с фр. СПб. : Азбука, 2017.
4. Соколова Е. В. Взаимосвязь «пола» и «языка» в творчестве Ингеборг Бахман и Эльфриды Елинек: аналит. обзор. М. : ИНИОН РАН, 2012.
5. Bachman I. Malina. Berlin : Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1980.